

На правах рукописи

МИХНЕВИЧ Сергей Владимирович

**ПОДХОДЫ КНР И США К РАЗВИТИЮ АРХИТЕКТУРЫ
БЕЗОПАСНОСТИ В АТР**

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных
отношений, глобального и регионального развития

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2017

Работа выполнена в департаменте международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научный руководитель: Доктор политических наук
БРАТЕРСКИЙ Максим Владимирович

Официальные оппоненты: ПЕТРОВСКИЙ Владимир Евгеньевич,
доктор политических наук, Центр анализа стратегий и технологий Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, главный научный сотрудник

Ведущая организация: КОЛДУНОВА Екатерина Валерьевна,
кандидат политических наук, доцент, Кафедра востоковедения Факультета международных отношений Московского государственного университета МИД России (МГИМО), доцент, Центр АСЕАН, ведущий эксперт
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук» (ИМЭМО РАН)

Защита состоится «27» октября 2017 года в 12.00 часов
на заседании диссертационного совета Д002.244.03
при Институте США и Канады РАН
по адресу: г. Москва, Хлебный переулок 2/3, конференц-зал

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института США и Канады РАН, www.iskran.ru.

Автореферат разослан «___» апреля 2017 года.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

Н.А. Гегелашвили

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

1. Обоснование темы исследования и актуальность

Трансформация системы международных отношений, протекающая с момента окончания холодной войны, непосредственно затрагивает распределение влияния между «новыми» и «старыми» центрами силы, ключевыми из которых на сегодняшний день являются США и КНР. Китай, ставший первой по размеру экономикой в мире (по ППС), весьма заинтересован в изменении существующего статус-кво. Стремление укрепиться в роли нового лидера все больше прослеживается как в риторике, так и в практической политике этой страны. Однако действующий мировой лидер, США, стремятся сохранить своё доминирующее положение в международной системе, проводя активную политику по ограничению распространения китайского влияния. Главным полем соперничества этих государств стал Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Его значимость во внешней политике и США, и КНР сложно переоценить. Фактически, от успеха или неудачи соперничества в АТР зависит дальнейший ход трансформации всей системы международных отношений. В связи с этим изучение взаимодействия данных игроков в рамках указанного макрорегионального пространства имеет исключительное значение для понимания и прогнозирования дальнейших путей и тенденций развития мировой политики.

Интересы КНР и США в сфере безопасности в АТР в ряде случаев совпадают, но имеются и существенные расхождения. При этом обе страны заинтересованы в формировании макрорегиональной архитектуры безопасности, максимально отвечающей именно их целям и одновременно ограничивающей возможности соперника. Под термином архитектура безопасности понимается комплекс существующих и действующих в

рамках международной системы/подсистем формальных и неформальных институтов и протекающих процессов, вызванных динамикой проблем традиционной и нетрадиционной безопасности и действий международных акторов, направленных на их разрешение.

В макрорегионе действует значительное число двусторонних и многосторонних механизмов, составляющих архитектуру безопасности. Некоторые из них «унаследованы» из эпохи холодной войны (система американских двусторонних союзов и квазисоюзнических отношений), другие появились после ее окончания (форматы АСЕАН). Значительный исследовательский интерес представляет тот факт, что ключевые многосторонние институты взаимодействия по проблемам безопасности в АТР созданы при непосредственном участии Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Влияние этих механизмов таково, что США и КНР готовы в значительной степени ограничивать свои притязания и следовать в своей политике предлагаемым Ассоциацией принципам. Они подразумевают, например, ведение многостороннего диалога преимущественно по темам, в отношении которых существует консенсус, а также ориентированность взаимодействия на процесс и, в меньшей степени, на конечный результат. Однако тот факт, что институты АСЕАН заняли центральное место в динамике многосторонней институционализации и интеграции соседствующих регионов Северо-Восточной Азии (СВА) и Юго-Восточной Азии (ЮВА) в Макрорегиональный комплекс безопасности (МакроРКБ) АТР непосредственно связан с политикой КНР и США.

Помимо Юго-Восточной Азии, в АТР на настоящий момент практически отсутствуют сколь-нибудь эффективно функционирующие многосторонние институциональные механизмы, нацеленные на развитие взаимодействия по проблемам безопасности. В данном контексте уместно упомянуть Шестисторонний диалог по ядерной программе КНДР, прошедший несколько раундов и замороженный в 2009 г., который не

привел к серьезным успехам в разрешении этой проблемы. Шанхайская же организация сотрудничества, хоть и включает КНР и Россию, в первую очередь ориентирована на проблемы безопасности в Центральной Азии (ЦА). Вместе с тем не стоит переоценивать и эффективность механизмов, продвигаемых АСЕАН и переживающих в последние годы некоторую стагнацию, вызванную как внутренними сложностями, так и действиями США и КНР.

С учетом изложенного, представляется крайне интересным выявить особенности базовых подходов КНР и США к реализации своей внешней политики в контексте формирования институтов, составляющих архитектуру МакроРКБ АТР: какие из аспектов их политики приводят к увеличению неопределенности в отношении проблем безопасности, а какие способствуют ее снижению. Главной проблемой, лежащей в фокусе исследования, является определение основного содержания архитектуры безопасности в АТР и ее динамики, связанных с политикой КНР и США: на каких направлениях имеется наибольший потенциал для сотрудничества и какие проблемы не могут найти решения в рамках существующих институтов, а также каковы существующие форматы взаимодействия и перспективы их развития. С указанными положениями связана **актуальность** исследования.

2. Степень научной разработанности темы.

Отдельные теоретические положения и практические аспекты, рассматриваемые в диссертации, входили в сферу изучения ряда отечественных и зарубежных ученых.

Так, в работах Д. Норта, С.А. Афонцева, Р. Кеохане, Дж. Айкенберри, Дж. Миршаймера¹ широко рассмотрен комплекс проблем

---

1 Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2010.

Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика/ С.А. Афонцев – М.: КомКнига. 2010.

Keohane R. Power and governance in a partially globalized world. – L., N.Y.: Routledge. 2002.

институциональной динамики, проблематика факторов неопределенности, культуры и ценностей в формировании институтов и политических рынков.

Проблематику процессов глобализации и регионализации, в том числе в разрезе проблем обеспечения безопасности и обеспечения государственного суверенитета подробно изучали в своих работах Найеф Д.Р. Аль-Родан, К. Дойч, Б. Хеттне, Н.М. Бевеликова, С.В. КОРТУНОВ².

Проблема власти/силы и эффективности внешней политики в международных отношениях освещали М. Манн, Дж. Най, Р. Кеохане, К. Бут, М.В. Братерский³.

Теория Региональных комплексов безопасности (РКБТ) изучалась такими исследователями как Б. Бузан и О. Вевер, Д. Морган и П. Лейк, Е.В. Колдунова⁴.

Ikenberry. J.G. After victory: institutions, strategic restraint and the rebuilding of order after major wars. – Princeton: Princeton University press. 2001.

Mearsheimer J.J. The false promise of international institutions // International Security. 1994/95. Vol. 19. № 3.

2 Nayef R.F. Al-Rodhan. The Geopolitical and geosecurity implications of globalization. Genève, Slatkine. 2006.

Deutsch K.W. Political community and the North Atlantic Area // European Union: readings on the theory and practice of European integration. Ed. By Nelsen B F. and Stubb A. – L. Boulder. 1994.

Hettne, Björn. Beyond the 'New' Regionalism// New Political Economy. 2005. №10 (4).

Бевеликова Н.М. Развитие интеграционных процессов в Азии: правовой подход/ Н.М. Бевеликова // Российский юридический журнал. 2014 № 1.

Кортунов С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы/ С.В. Кортунов – М. Издательский дом ГУ ВШЭ. 2007.

3 Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом/ М. Манн – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Nye, Js. Soft power. The Means to Success in World Politics. – N.Y. – Public Affairs. 2004.

Най Дж. Будущее власти/ Дж. Най – М. АСТ. 2013.

Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. – N.Y. HaperCollinsPublishers. 1977, 1989.

Booth K. Theory of world Security. Cambridge. – N.Y. Cambridge University Press. 2007.

Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990-2005 гг. – М.: ИСК РАН. 2005.

4 Buzan B. Wæver. O. Regions and Powers. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, N.-Y. Cambridge University Press. 2003.

Lake D.A., Morgan P. M. The new regionalism in Security Affairs// Regional Orders: Building Security in a New World. ed. by David A. Lake, Patrick M. Morgan – The Pennsylvania State University Press. University Park, Pennsylvania, 1997.

Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы / Е.В. Колдунова. — М.: Навона, 2010.

Проблематика исследования политического реализма отражена в работах Э. Карра, Г. Моргентау, Р. Кеохане, К. Уолца, С. Уолта, С. Краснера, Б. Бузана, Р. Гилпина, Дж. Миршаймера, А.А. Громько и В.Б. Ломейко, Т.А. Шаклеиной, П.А. Цыганкова⁵.

Безопасность и международные отношения в АТР изучали А.Д. Воскресенский, А.Д. Богатуров, С.Г. Лузянин, Д.В. Мосяков, М.В. Братерский и Д.В. Суслов, В.Е. Петровский, Т.И. Сулицкая, В.В. Михеев, Г.М. Локшин, Е.А. Канаев, М.Л. Титаренко, Чан Кхань, А. Ачаря, Н. Байсли, К. Тейер, Цай Пэн Хун, Линь Хуашэн, Чжан Цзиньвэй⁶.

---

5 Carr E. The twenty years crisis 1919-1939: an introduction to the study of international relations. - L.: Macmillan. 1946.

Morgenthau H.J. Politics among nations: the struggle for power and peace. – N.Y.: Alfred A. Knopf. 1948.

Keohane R. After hegemony: cooperation and discord in the world political economy. – New Jersey. Princeton University press. 1984.

Waltz K. Theory of international politics. – Reading: Addison-Wesley Publishing. 1979.

Walt S.M. Alliance formation and the balance of world power // International Security. Spring, 1985. № 4. (Vol. 9).

Krasner S. Sovereignty: Organized Hypocrisy. – Princeton: Princeton University Press. 1999.

Buzan B. People, States and Fear: the national security problem in international relations. – Brighton: Wheatsheaf books. 1983.

Buzan B. Jones C. Little R. The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism. – N.Y. Columbia University press. 1993.

Gilpin R. War and change in world politics. – Cambridge: Cambridge University press. 1999.

Mearsheimer J. The tragedy of great powers politics. – N.Y., L.: W.W. Norton & company. 2001.

Громько А.А., Ломейко В.Б. «Новое мышление» в ядерный век// А.А. Громько, В.Б. Ломейко – М.: «Международные отношения». 1984.

Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке/ Т.А. Шаклеина – М.: Институт США и Канады РАН, 2002.

Цыганков П.А. Теория политического реализма: власть и сила в межгосударственных отношениях / П.А. Цыганков // Теория международных отношений: хрестоматия Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002.

6 Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990-2015) / А.Д. Воскресенский // Сравнительная политика. 2015 № 1 (18).

Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А.Д. Богатуров - М.: Конверт - МОНФ. 1997.

Лузянин С.Г., Мамонов М.В. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» / С.Г. Лузянин, М.В. Мамонов // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск 16. – М.: ИДВ РАН, 2011.

Лузянин С.Г. Китай в системе глобальной и региональной безопасности / С.Г. Лузянин // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск 19. – М.: ИДВ РАН. 2014.

Мосяков Д. В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему/ Д.В. Мосяков – М.: Институт востоковедения РАН, 2012.

Внешнюю политику отдельных анализируемых акторов в своих работах рассматривали А.В. Лукин, Е.П. Бажанов, Г.В. Зиновьев, М.С. Капица, А.С. Давыдов, В.А. Кременюк, В.Я. Портяков, А.А. Свешников, В.Б. Кашин, Н.Г. Рогожина, А.В. Фененко, А.В. Болятко, А.Ф. Клименко, А.В. Ломанов, А.Г. Ларин, Т.А. Шаклеина, Р. Блэквилл и П. Диб, Г.

Братерский М.В., Суслов Д.В. Возвращение США на Тихий океан // Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сб. научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр науч. информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. Зап. Европы и Америки; Отв. ред. Братерский М.В., Ред.-сост. Роуз К.Б., Щербинина Ю.В. – М., 2014.

Петровский В.Е. Режимы безопасности в АТР / В.Е. Петровский – М. 1997.

Сулицкая Т.И. Страны АСЕАН и международные отношения в Юго-Восточной Азии / Т.И. Сулицкая – М.: Главная редакция издательства «Наука», 1985.

Дисбалансы транстихоокеанского пространства. Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко; авт. кол. ИМЭМО РАН. – М.: Магистр, 2014.

Локшин Г.М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия / Г.М. Локшин – М. ИДВ РАН, 2013.

Локшин Г.М. Формирующаяся архитектура безопасности в Восточной Азии / Г.М. Локшин // Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии. — М.: ИД «ФОРУМ», 2016.

Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции / Е.А. Канаев – М. 2007.

Канаев Е.А. АСЕАН и кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море / Е.А. Канаев / Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1240#top (дата обращения: 27.03.2015).

Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия: вопросы международных и межцивилизационных отношений /

М.Л. Титаренко – М.: «Кучково поле». 1994.

Титаренко М.Л. Вызревание новой геополитической ситуации в Восточной Азии / М.Л. Титаренко // Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии. – М.: ИД «ФОРУМ», 2016.

Чан Кхань. Тенденции стратегии перебалансировки американских военных сил в Юго-Восточной Азии / Кхань Чан // Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. М.: ИДВ РАН, 2014.

Acharya A. Collective Identity and Conflict Management in Southeast Asia // Security Communities. Ed. by E. Adler, M. Harnett. – Cambridge: Cambridge University Press. 1998.

Acharya A. Culture, Security, Multilateralism: The «ASEAN Way» and Regional Order // Culture and Security: Multilateralism, Arms Control, and Security Building. eds. by K. Krause. – L.: Frank Cass. 1999.

Bisley N. Building Asia's security. L: Routledge, IISS. 2009.

Thayer C. A. Southeast Asia: Patterns of security cooperation – Barton. 2010.

Thayer C.A. ASEAN'S Code of Conduct in the South China Sea: A Litmus Test for Community-Building? 2012. URL: www.japanfocus.org/-Carlyle_A_-Thayer/3813 (дата обращения: 07.05.2015).

Cai Peng Hong. Non-traditional security and China-ASEAN relations // China and Southeast Asia: Global changes and regional challenges. Edited by Ho Khai Leong and Samuel C.Y. Ku. – Singapore. 2006.

Линь Хуашэн Политическая экономия в Восточной Азии (на кит. языке) (Линь Хуашэн. Дун я чжэнчжицзинцзилунь). Пекин. 2011.

Чжан Цзинвэй. ТНААД и безопасность Северо-Восточной Азии. Журнал «Китай» 2016, №8.

Киссинджер, Цзяо Лян, Чжэн Бицзянь, Ли Сяокунь, Гун Ли, Чжа Даоцзян, Юань Цзиндун, Янь Сюэтуан⁷.

---

7 Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России / А.В. Лукин – М.: Международные отношения, 2015.

Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М.: «Весь Мир», 2013.

Бажанов Е.П. Китай и внешний мир/ Е.П. Бажанов – М.: Международные отношения. 1990.

Бажанов Е.П. От дружбы через конфронтацию к нормализации. Советско-китайские отношения с 1949 и до 1991 г. / Е.П. Бажанов // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. Под ред. А.В. Лукина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2013.

Зиновьев Г.В. Китай и Сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991) / Г.В. Зиновьев – СПб: СПбГУ. 2010.

Капица М.С. КНР: три десятилетия – три политики / М.С. Капица. – М.: Издательство политической литературы. 1979.

Давыдов А.С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники: монография / А.С. Давыдов. — М. : ИДВ РАН, 2015.

Кременюк В.А. Конец или начало истории? / В.А. Кременюк // США — экономика, политика, идеология. 1990, № 5.

Кременюк В.А. Внешняя политика США на рубеже веков / В.А. Кременюк // США и Канада: экономика, политика, культура. 2000, № 5.

Кременюк В.А. Управление и управляемость в международной политике / В.А. Кременюк // Международные процессы. 2004. Т.2. № 3 (6).

Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы/ В.Я. Портяков – М.: ИДВ РАН. 2013.

Портяков В.Я. К вопросу о комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы/

В.Я. Портяков // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск 19. – М.: ИДВ РАН. 2014.

Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии/ В.Я. Портяков – М.: ИДВ РАН. 2015.

Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности / А.А. Свешников // Китай в мировой политике. под ред. А.В. Торкунова. – М: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.

Кашин В.Б. Единство и борьба / В.Б. Кашин // Россия в глобальной политике. 2016, №5. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Edinstvo-i-borba-18346>.

Рогожина Н.Г. Роль США в контртеррористической деятельности в странах ЮВА / Н.Г. Рогожина // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XXIX (№29, 2015).

Рогожина Н. Как Америка борется с терроризмом в ЮВА/ Н. Рогожина// журнал «Новое восточное обозрение». URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/12/06/kak-amerika-boretsya-s-terrorizmom-v-yuva/> (дата обращения: 14.09.2016).

Фененко А.В. Современные военно-политические концепции США/ А. Фененко// Международные процессы. URL: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/007.htm> (дата обращения: 20.10.2016).

Болятко А.В. Тенденции развития ситуации в зоне Восточно-Китайского моря / А.В. Болятко // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск 19. – М.: ИДВ РАН. 2014.

Болятко А.В. Стратегия США в АТР и отношения с Китаем/ А.В. Болятко // Китай в мировой и региональной политике. Выпуск XX. М.: ИДВ РАН. 2015.

Клименко А.Ф. Новая военная стратегия США и эволюция американо-китайско-индийских отношений в АТР в сфере безопасности / А.Ф. Клименко // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск 17. – М.: ИДВ РАН. 2012.

3. Объектом исследования является динамика международных взаимодействий в АТР по проблематике безопасности. **Предметом исследования** выступает политика КНР и США по развитию механизмов взаимодействия по вопросам безопасности в АТР.

4. Цель и задачи исследования.

Цель исследования состоит в выявлении взаимозависимости между реализацией политики КНР и США в макрорегионе и развитием архитектуры безопасности в АТР, а также в определении возможных перспектив ее дальнейшего развития.

Цель исследования предполагается достичь посредством решения следующих задач:

Клименко А.Ф. Национальные интересы России в АТР/ А.Ф. Клименко // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск 18. – М.: ИДВ РАН, 2013.

Клименко А.Ф. Россия и Китай в системе безопасности Северо-Восточной Азии / А.Ф. Клименко // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск 19. – М.: ИДВ РАН, 2014.

Ломанов А.В. Современная китайская концепция «мягкой силы»/ А.В. Ломанов // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. – М.: ИДВ РАН, 2015.

Ларин А.Г. К анализу новых моментов во внешней политике КНР/ А.Г. Ларин // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск 19. – М.: ИДВ РАН, 2014.

Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке/ Т.А. Шаклеина – М.: Институт США и Канады РАН, 2002.

America's Asian alliances. Blackwill R.D., Dibb P. (eds.) – Cambridge, L.: The MIT Press, 2000.

Киссинджер Г. О Китае/ Г. Киссинджер – М.: АСТ. 2013.

Jiao Liang. China's Rising Military Power and Its Implications. Institute for Security and Development Policy. 2012.

Чжэн Бицзянь. Новое пробуждение Китая (на китайском языке) (Чжэн Бицзянь. Чжунго синьцзюесин). Shanghai. Shanghai peoples publishing. 2014. Сс.83-115.

Li Xiaokun. China issues first white paper on military strategy // Газета Chinadaily.com.cn. URL. Available at: http://m.chinadaily.com.cn/en/2015-05/26/content_20820125.htm (Дата обращения: 31.05.2015).

Гун Ли. Идеология политики Дэн Сяопина в отношении США и китайско-американских отношений // Китайские оценки внешнеполитической стратегии Буша и китайско-американских отношений. М.: ИДВ РАН, Экспресс информация. 2004.

Zha Daojiang. Oiling the Wheels of Foreign Policy? Energy Security and China's International Relations – Singapore. Nanyang Technological university, Asia Security Initiative Policy Series. Working paper № 1. March 2010.

Yuan Jing-dong. China-ASEAN relations: perspectives, prospects and implications for U.S. interests. October 2006. URL: <http://www.StrategicStudiesInstitute.army.mil/> (дата обращения: 15.07.2016).

Янь Сюэтун. Подъем Китая: оценка международной среды. Тяньцзинь. Народное издательство Тяньцзина. 1998.

Янь Сюэтун. «Мягкая сила» КНР ждет повышения (на кит. языке) (Янь Сюэтун. Чжунго жуаньшили ю дай тигао). URL: <http://www.cssm.org.cn/view.php?id=13332> (дата обращения: 17.09.2016).

1) Рассмотреть основные положения теории политического реализма, проанализировать особенности индукции и типологии проблем безопасности, в том числе рассмотреть значение фактора неопределенности в развитии международных отношений на современном этапе и роль институтов в ее преодолении. Изучить преимущества и недостатки концепций «жесткой», «мягкой» и «умной» сил в реализации внешней политики.

2) Применить к анализу проблематики процессов безопасности в АТР положения Теории региональных комплексов безопасности (РКБТ) и на основании указанного подхода определить структурные особенности макрорегиональной архитектуры безопасности и основные параметры комплекса безопасности в АТР.

3) Рассмотреть ключевые интересы КНР и США в АТР через призму проблематики безопасности, изучить особенности трансформации внешнеполитической идеологии стран, определить ключевые элементы актуальных внешнеполитических концепций на современном этапе, оказывающих воздействие на формирование внешней политики стран в АТР.

4) Проанализировать основные механизмы и формы внешней политики КНР на международной арене, исследовать основные механизмы и формы внешней политики США, в том числе эволюцию системы американских альянсов в АТР. Изучить механизмы и формы внешнеполитической практики КНР и США в отношении формирования архитектуры безопасности в макрорегионе, определить ключевые факторы успешности и основные ограничители политики по развитию институтов безопасности в АТР.

Гипотезы исследования

Главная гипотеза:

КНР и США заинтересованы в такой конфигурации архитектуры безопасности в АТР, которая позволит сформировать условия для

воспроизводства своего лидерства и ограничения влияния соперничающего центра силы в макрорегионе.

Рабочая гипотеза № 1

Занятие международным актором центрального положения и формирование его лидерства в международной подсистеме невозможно без укрепления его потенциала «мягкой силы» и устранения/ослабления негативных «эффектов колеи».

Рабочая гипотеза № 2

Соперничество в рамках (макро-)региональной подсистемы международных отношений между ключевыми центрами силы может приводить к усилению влияния международных организаций и их становлению в качестве относительно самостоятельных акторов, оказывающих определенное воздействие на развитие динамики в международной подсистеме.

5. Географические рамки исследования.

В рамках настоящей работы географические рамки АТР охватывают пространство от Тихоокеанской Азии до Северной Америки, включая США, КНР, Японию, Республику Корею, КНДР, страны АСЕАН и Россию.

6. Хронологические рамки исследования охватывают период с момента окончания Второй мировой войны по настоящее время, при этом основной упор делается на изучении процессов взаимодействия после окончания холодной войны (1990 г. – н.вр.).

7. Методология и методы исследования

Базовой теоретической концепцией, лежащей в основе проведенного исследования, выступает **политический реализм**, что обусловлено особенностями целеполагания КНР и США применительно к выработке и реализации национальных интересов в макрорегионе. Вместе с РКБТ политический реализм составляет *первый уровень* теоретического инструментария, применяемого в настоящей работе («теории первого уровня»). *Второй уровень* теоретического инструментария включает в себя

положения концепций секьюритизации⁸, «умной», «мягкой» и «жесткой» сил, «эффекта колеи», разделения динамики процессов традиционной и нетрадиционной безопасности.

В работе предлагается методология определения проблем безопасности на основе акторности⁹ и применения легитимного насилия для разрешения проблем безопасности:

- Традиционные проблемы безопасности военно-политического характера.
- Нетрадиционные проблемы безопасности с вооруженной компонентой.
- Нетрадиционные проблемы безопасности без вооруженной компоненты.

Кроме того, комплексный характер предмета исследования потребовал применения междисциплинарных подходов, используемых в современной теории международных отношений. В диссертации используются общетеоретические методы (индукция, дедукция) и методы, применяемые в специальных науках. Наибольшее значение для раскрытия предмета исследования имели те части общенаучного метода, которыми считаются принцип системного подхода и метод сравнительного анализа. Также применялись такие методы как институциональный анализ, структурно-функциональный метод, историко-генетический и сравнительно-исторический методы, нормативистский (формально-логический), метод экспертных оценок. В целом методологическая база исследования отражает основной принцип политической науки – исследовательскую объективность и общесистемный подход к анализу конкретного политико-экономического материала.

---

8 Секьюритизация – дискурсивный процесс, посредством которого в политическом сообществе формируется восприятие того или иного фактора в качестве значимой угрозы, а также понимание необходимости по принятию срочных исключительных мер по ее разрешению и выражается соответствующий призыв.

9 Наличествует или отсутствует непосредственная угроза государству как институту (прямое нарушение суверенитета).

8. Источниковая база исследования

В целях обеспечения комплексного характера исследования при анализе использовался широкий круг источников, которые можно разделить на несколько групп:

1) Нормативные правовые и нормативные акты

В указанной группе документов в свою очередь можно выделить две основные подгруппы.

1.1. Официальные межгосударственные соглашения, включающие в себя двусторонние и многосторонние договоры и декларации как формы волеизъявления государств, такие как «Российско-Китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка», «Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море», «Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии», «Конвенция АСЕАН по противодействию терроризму», «Руководящие принципы оборонного сотрудничества США и Японии» и др.

1.2. Национальные нормативные правовые и нормативные акты, лежащие в основе формирования международной стратегии. Указанная группа включает в себя такие источники как «Закон КНР о безопасности», «Патриотический акт» США, «Резолюция 17-го Всекитайского съезда Коммунистической Партии Китая по докладу Центрального Комитета 16-го созыва», «Политика Китая относительно сотрудничества в сфере безопасности в АТР», Стратегии национальной безопасности США, «Белые книги» оборонной политики КНР, Военная стратегия КНР, «Четырехлетний обзор оборонной политики США», и т.д.

2) Публикации, выступления и иные документы официальных представителей органов власти участвующих сторон, отражающие позицию руководства страны по тем или иным аспектам внешней политики и взаимодействия по вопросам безопасности. Например, «Основные положения доклада Ху Цзиньтао на XVII

Всекитайском съезде Коммунистической Партии Китая», «Ху Цзиньтао. Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества», «Ян Цзечи. Активно брать на себя ответственность и обязательства в международных делах», «Ван И. Исторический визит, имеющий далеко идущее значение», выступления президента США и членов администрации, а также их статьи и т.д.

3) Документы международных организаций, в том числе материалы их официальных сайтов, а также аналитическая и статистическая информация, такие как Обзоры отношений АСЕАН с США и КНР, сборники документов АСЕАН, сборники статистической информации, справочная информация по отдельным форматам и механизмам сотрудничества (сайты ШОС, АСЕАН, Всемирного банка) и др.

4) Доклады по отдельным аспектам международной безопасности, подготовленные национальными аналитическими центрами и ведомствами. Например, «Китайский обзор среды региональной безопасности 2016. «Один пояс – один путь»: стратегические возможности и вызовы безопасности», ежегодные доклады Конгрессу по вопросам военного и оборонного развития КНР, «Сотрудничество через силу: США, Китай и Южно-Китайское море», «Американская стратегия "перебалансировки" сил в АТР и интересы национальной безопасности России» и др.

5) Научные монографии, доклады и статьи представителей экспертного и академического сообществ.

Указанная группа включает в себя исследования ключевых отечественных и зарубежных экспертов по отдельным аспектам международной политики КНР, США и иных международных акторов в АТР.

б) Публикации средств массовой информации.

В ряде случаев для проведения анализа использовались материалы и данные, опубликованные в средствах массовой информации.

Документы, использованные при написании настоящей работы, брались с официальных сайтов органов власти, международных организаций, аналитических центров и авторитетных новостных ресурсов, а также из соответствующих печатных изданий, что говорит об их достоверности.

9. Научная новизна исследования связана со следующими достигнутыми результатами.

– разработана авторская классификация проблем традиционной и нетрадиционной безопасности (на основе применения вооруженного насилия для их разрешения);

– определены основные элементы архитектуры безопасности в АТР, а также выделены основные группы проблем безопасности в макрорегионе;

– проведен сравнительный анализ политической практики КНР и США по развитию архитектуры безопасности в АТР и рассмотрены основные инструменты и механизмы реализации интересов США и КНР в сфере безопасности в макрорегионе;

– выявлена зависимость между реализацией политики КНР и США на двустороннем уровне и в рамках многосторонних институтов и «стягиванием» регионов СВА и ЮВА в единый МакроРКБ;

– отмечено определяющее значение устойчивых моделей восприятия партнеров и «эффектов колеи» в развитии архитектуры безопасности в АТР.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке комплексного теоретического инструментария, применимого для анализа динамики институционализации взаимодействия по проблемам безопасности на иных региональных пространствах, а также в выявлении теоретических основ, механизмов, проблем и достижений

внешней политики США и КНР в развитии архитектуры безопасности в АТР.

10. Достоверность исследования обеспечивается за счёт использования широкого круга официальных источников, содержащих значительный объём фактологического материала, а также многочисленных экспертных оценок ведущих специалистов по исследуемой проблематике.

11. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его результатов для развития внешнеполитической теории и практики Российской Федерации (при разработке концептуальных документов и нормативных правовых актов, регулирующих внешнеполитическую деятельность, и претворении в жизнь их базовых положений) для усиления влияния в АТР и эффективной реализации российской политики «разворота на Восток». Также результаты диссертации могут быть использованы для разработки курсов лекций по политической теории, международным отношениям и мировой политике, регионалистике и глобалистике, т.е. быть использованы в образовательных целях. Кроме того, подготовленные материалы могут быть задействованы при проведении экспертизы и подготовке экспертных заключений по тематике безопасности в АТР. В частности, ряд положений диссертации был использован при продвижении диалогового процесса в рамках Расширенной тунганганской инициативы (РТИ)¹⁰.

12. Апробация результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в 12 работах общим объемом 19,4 п.л. (из них 7 работ объемом 14,5 п.л. в ведущих рецензируемых научных журналах и

---

¹⁰ Комплексная программа социально-экономического развития в Северо-Восточной Азии, в которой принимают участие Россия, КНР, Республика Корея и Монголия, созданная при участии Программы развития ООН.

изданиях, рекомендованных ВАК), а также были представлены на следующих научных конференциях:

- XV Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества», Москва, НИУ ВШЭ, 01.04.2014 – 04.04.2014 г., (Тема доклада: "Эволюция архитектуры безопасности в АТР и ее политикоэкономическое измерение в конце 20 – начале 21 века");

- XVI Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества», Москва, НИУ ВШЭ, 07.04.2015 – 10.04.2015 г. (Тема доклада: "«Умная сила» и ее влияние на идейное измерение и институционализацию международных отношений на примере политики КНР и США в АТР");

- XVII Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества», Москва, НИУ ВШЭ 19.04.2016 – 22.04.2016 г. (тема доклада: "«Эффект колеи» и проблема трансформации внешнеполитической ориентации России").

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации. Работа выполнена в объеме, соответствующем требованиям ВАК, и состоит из введения, трех глав, девяти параграфов, заключения, списка сокращений и условных обозначений, 10 приложений, библиографического списка, содержащего 467 наименований. Основная часть работы изложена на 239 страницах.

Во **введении** обосновывается актуальность диссертационного исследования, анализируется степень научной разработанности темы, обозначаются цель и задачи диссертационного исследования, указывается методология исследования, раскрывается научная новизна результатов, их практическая применимость.

Первую главу исследования составляет рассмотрение теоретического и методологического инструментария, основанного на

реалистической парадигме науки о международных отношениях, а также исследуются основные элементы и общее состояние архитектуры безопасности в АТР.

В первом разделе первой главы рассматриваются положения реалистического направления теории международных отношений, затрагивающие проблематику целеполагания, а также исследуется роль «жесткой», «мягкой» и «умной сил» в реализации внешней политики.

Автором отмечается, что в основе внешней политики государств лежит проблематика обеспечения безопасности, которая после окончания холодной войны приобрела новое измерение. Оно связано с повышением значимости в международной и национальной повестках дня проблем нетрадиционной безопасности. Соответственно, существенно усложнилось понимание национальных интересов и форм их реализации на международной арене, что привело к росту неопределенности. При этом первичность задачи выживания государства в перечне национальных интересов не подлежит сомнению¹¹. Иные интересы являются производными от нее. Сама международная среда, в которой государства являются ключевыми субъектами, по-прежнему сохраняет анархический и конфликтный характер, усиливающийся из-за воздействия негосударственных акторов.

Сегодня международные отношения характеризуются снижением значимости «жесткой силы» государства, его военно-политического могущества, объектом которой выступают государства. Соответственно, растет значение «мягкой силы», включающей в себя три базовых компонента: привлекательность системы ценностей государства, привлекательность его культуры, эффективность невоенных механизмов внешней политики. Объектом «мягкой силы» является не государство, но его народ, общество.

---

¹¹ Mearsheimer J. The tragedy of great powers politics. – N.Y., L.: W.W. Norton & company. 2001. p. 83.

Однако для максимизации международного влияния страны сегодня уже недостаточно обладать существенными потенциалами либо «жесткой», либо «мягкой» сил. Оптимальным ресурсом представляется сочетание «жесткой» и «мягкой» сил в рамках концепции «умной силы», появившейся в политическом дискурсе в 2007 г. и разработанной американским ученым Дж. Наем. «Умная сила» представляет собой сочетание «жесткой силы» для понуждения и возмездия и «мягкой силы» в виде убеждения и притяжения. Эссенцией «умной силы» является «сила управления», позволяющая максимально использовать все преимущества «жесткой» и «мягкой» сил. «Умная сила», с одной стороны, позволяет приспосабливаться к протекающим изменениям, с другой – добиваться изменений, соответствующих интересам ее источника.

Второй раздел первой главы работы посвящен эволюции проблем безопасности, росту неопределенности и месту институтов в ее преодолении.

Автор отмечает расширение перечня проблем безопасности после окончания холодной войны, нашедшее отражение в усложнении международной динамики. Одним из основных способов уменьшения нарастающей неопределенности и ее трансформации в относительно прогнозируемые риски является институционализация взаимодействий. Институты включают в себя комплекс формальных правил, неформальных ограничений и особенностей их выполнения и могут формировать сложную архитектуру. В международных отношениях институты в первую очередь представляют собой средство обеспечения баланса интересов государств, которые и определяют динамику институционализации. Т.о. действенность и субъектность институтов изначально ограничены рамками, установленными ключевыми участниками и их готовностью соблюдать определенные «правила игры».

По мнению автора исследования, международные институты также выступают в роли способа «огосударствления» комплекса международных

взаимодействий, осуществляемых негосударственными акторами, и/или позволяют структурировать отношения по проблемам [безопасности], решить которые государства самостоятельно не могут или могут только ценой чрезмерных издержек. Т.е. вовлечение в работу международных институтов дает возможность государствам более гибко реагировать на возникновение проблем в наиболее уязвимых с точки зрения своей политики сферах, таких как нетрадиционная безопасность.

Несмотря на принципиальную невозможность полностью преодолеть анархичность и конфликтность в международных отношениях, функционирование институтов может способствовать снижению неопределенности до приемлемого уровня, который позволяет участвующим странам более эффективно распределять ресурсы для обеспечения собственной внешней политики. Т.е. каждое государство, участвуя в определенных институтах, ставит цель максимизировать собственные относительные и абсолютные преимущества по отношению к акторам, как включенным, так и не включенным в указанные институты.

В третьем разделе первой главы анализируется место регионов в современной системе международных отношений на основе положений теории Региональных комплексов безопасности (РКБТ), рассматривается состояние архитектуры и выделяются ключевые проблемы безопасности в АТР.

Региональный комплекс безопасности (РКБ) представляет собой группу единиц, чьи основные дискурсивные процессы секьюритизации и десекуритизации¹² настолько взаимосвязаны, что проблемы их национальной безопасности не могут рассматриваться по отдельности друг

---

12 Десекуритизация – дискурсивный процесс, посредством которого политическое сообщество понижает восприятие фактора, как значимой угрозы, или прекращает рассматривать его в качестве таковой, либо перестает призывать к принятию срочных и исключительных мер для противодействия угрозе [Buzan B. Wæver. O. Regions and Powers. Regions and Powers: The Structure of International Security – Cambridge, N.-Y. Cambridge University Press. 2003, p. 491].

от друга¹³. Несмотря на то, что структура РКБ сильно зависит от распределения мощи среди отдельных государств, большое значение имеет восприятие других акторов в системе координат «дружба-соперничество-вражда» через призму «эффектов колеи».

На сегодняшний день можно выделить **шесть** групп узловых проблем, относящихся к различным типам безопасности в АТР:

1. Территориальные споры в ЮКМ и ВКМ (*традиционная безопасность*);
2. Дилемма безопасности, связанная с модернизацией НОАК и увеличением военных расходов среди стран региона (*традиционная безопасность*);
3. Проблема разделения Корейского полуострова и ядерной программы КНДР (*традиционная безопасность*);
4. Транснациональные угрозы безопасности (*нетрадиционная безопасность с вооруженной компонентой*);
5. Нетрадиционные «повседневные» угрозы безопасности (*нетрадиционная безопасность с вооруженной компонентой*);
6. Проблемы обеспечения устойчивой среды регионального развития – социо-экономическое измерение безопасности и снижения неопределенности в динамике региональных отношений (*нетрадиционная безопасность без вооруженной компоненты*).

В регионе существует **семь** основных моделей сотрудничества по вопросам безопасности, которые формируют региональную архитектуру.

1. Многосторонние механизмы взаимодействия по вопросам безопасности, инициатива создания которых исходила не от АСЕАН:

---

13 Buzan B., Weaver O., De Wilde J. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Weaver, J. De Wilde – Colorado, L, 1998. P. 201.

«Соглашения об обороне между пятью силами»; антипиратское сотрудничество, модерлируемое Японией (ReCAAP)¹⁴.

2. Продвигаемое США сотрудничество в сфере безопасности, включающее в себя систему двусторонних союзов и соглашений о безопасности, а также многосторонних инициатив.

3. Основанная АСЕАН модель сотрудничества, в которой Китай выступает в роли лидера и наиболее ярким примером которой является АСЕАН+3.

4. Многосторонние механизмы безопасности под руководством АСЕАН: Региональный форум АСЕАН по проблемам безопасности, Восточноазиатские саммиты, Встречи министров обороны стран АСЕАН + (ADMM +).

5. Негласные союзнические отношения КНР с рядом стран ЮВА и союзнические отношения с КНДР.

6. Двусторонние соглашения по специальным темам, таким как обмен разведданными, противодействие терроризму, а также двусторонние и многосторонние диалоговые процессы по проблемам безопасности (Китай – США, Китай – Япония и др.).

7. Иные механизмы взаимодействия по проблемам безопасности, такие как рабочие группы в АТЭС и т.д.

Динамика отношений в АТР после окончания холодной войны показала, что многостороннее взаимодействие по вопросам безопасности в макрорегионе осуществляется преимущественно на площадках, созданных АСЕАН и вокруг проблематики ЮВА. Некоторые из потенциально перспективных механизмов, такие как Шестисторонние переговоры по урегулированию ядерной программы КНДР, проводившиеся с 2003 по 2009 г., перестали функционировать из-за невозможности (неспособности) обеспечить такой формат взаимодействия, который позволял бы вывести

---

¹⁴ Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery Against Ships in Asia (ReCAAP). Официальный сайт ReCAAP. URL: www.recaap.org (дата: обращения 25.09.2016).

за пределы диалога наиболее острые противоречия и сконцентрироваться на решении основных задач, а также сформировать общий идеологический базис для сотрудничества.

Автор отмечает, что цели и задачи государств АТР в сфере традиционной безопасности тесно связаны с опытом и текущим статусом их отношений с США и КНР, а также между собой. Проблематика нетрадиционной безопасности является основой многостороннего взаимодействия, а в сфере традиционной безопасности преобладают двусторонние связи.

Вторая глава исследования посвящена роли КНР в макрорегиональной подсистеме АТР, целям, механизмам и инструментам реализации ее внешней политики в макрорегионе.

В первом разделе второй главы работы рассматривается эволюция концептуальных измерений и идеологических основ внешней политики КНР с момента ее основания в 1949 г.

Автор отмечает, что традиционно в основе подхода КНР к международным отношениям лежали «пять принципов мирного сосуществования», впервые изложенные в декабре 1953 г. Вместе с тем КНР часто прибегала к их нарушению. Это роднит политику Китая с США, в которой также официальная риторика и практика существенно различаются. В результате такого «двухколейного подхода» в странах-соседах КНР по АТР сформировались устойчивые негативные «эффекты колеи». Итогом единства мнений относительно «китайской угрозы» стало создание АСЕАН. Но ухудшение отношений между КНР и СССР привело к сближению Китая с США и ослаблению его деструктивной деятельности в соседних странах. Модернизация экономики КНР стала одной из основных задач внешней политики КНР. Это обусловило переход к новой дипломатии и «самостоятельной и независимой внешней политике» в начале 1980-х гг. Связанное с этим улучшение отношений со странами

АТР стало основой вовлечения КНР в макрорегиональные институты после окончания холодной войны.

После июня 1989 г. китайская дипломатия активно занялась проблемами создания «позитивного окружения» по границам. В рамках реализации указанной политики Китай регулярно проводил действия, направленные на улучшение его восприятия в странах-соседах по АТР, последовательно дополняя их рядом концепций: «многополярности», «мирного возвышения», «гармоничного мира», «борьбы с несправедливым мировым порядком».

В последние годы в стратегических документах КНР появляется все больше активных и наступательных элементов, связанных с широким пониманием национальных интересов, угроз которым представляют действия ряда стран АТР и США. А ради реализации долгосрочных интересов, особенно имеющих непосредственное отношение к суверенитету, власти КНР готовы на жесткие и агрессивные действия, даже если они способствуют активизации страхов и опасений стран АТР и усилению «эффектов колеи».

Второй раздел второй главы исследования акцентирует внимание на интересах КНР в сфере безопасности в АТР¹⁵.

Автор отмечает, что макроцелью всей политики КНР в АТР и глобальном масштабе, оказывающей определяющее воздействие на ее секьюритизацию, по-прежнему является обеспечение поступательного и прогрессивного развития страны.

Китай крайне не хотел бы окружения по периметру своих границ недружественными государствами, находящимися в тесном сотрудничестве с США. В связи с этим Китай склонен к реализации такой стратегии, которая позволяет обеспечивать достижение ключевых целей

---

¹⁵ Также как и в соответствующем разделе главы, посвященной целям США в макрорегиональной безопасности, для классификации и разграничения проблем безопасности используется система координат «традиционные – нетрадиционные вооруженные – нетрадиционные невооруженные» проблемы.

национального развития и укрепления совокупной государственной мощи и, одновременно, не связывать себя избыточными обязательствами. Для достижения устойчивого эффекта КНР также вынуждена реагировать на комплекс проблем в сфере нетрадиционной безопасности, не характерных для предыдущего исторического этапа.

Можно выделить следующие группы проблем безопасности в АТР, связанные с национальными интересами КНР:

Традиционная безопасность:

Разрешение территориальных споров в Восточно- и Южно-Китайском морях (ВКМ, ЮКМ, соответственно); обеспечение безопасности собственных границ; поддержание боеспособности НОАК и модернизация средств проецирования влияния; противодействие ремилитаризации Японии и чрезмерному усилению военного присутствия США в АТР; Тайваньская проблема и поддержание КНДР.

Нетрадиционная безопасность с вооруженной компонентой:

Борьба с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом, пиратством, транснациональной преступностью.

Нетрадиционная безопасность без вооруженной компоненты:

Ресурсная безопасность; создание позитивной международной среды для прогрессивного поступательного развития (создание механизмов обеспечения финансово-экономической безопасности стран региона, улучшение международной среды); развитие рынков сбыта, защита интересов китайских компаний; приобретение новых технологий; противостояние распространению массовых заболеваний.

Третий раздел второй главы посвящен основным механизмам и формам внешней политики КНР.

Автор полагает, что в силу отсутствия у Китая эффективной системы вовлечения в региональные отношения, такой как система двусторонних союзов и альянсов США, КНР делает акцент на использовании альтернативных рычагов политики «умной силы», в частности, «мягкую

силу». Сегодня в Китае «мягкая сила» видится не просто в качестве одного из наиболее эффективных средств реализации внешнеполитической стратегии, но является необходимым атрибутом поступательного прогрессивного развития страны.

Однако китайское руководство испытывает сложности с определением баланса между «жесткой» и «мягкой» силами. Очередная попытка исправить ситуацию и реструктурировать внешнюю политику КНР нашла отражение в термине «китайской мечты», предложенном Председателем КНР Си Цзиньпином. Указанное понятие содержит в себе курс на возрождение нации, улучшение жизни народа, повышение его благосостояния, создание нового общества и укрепление военных возможностей государства. «Китайская мечта» стала первой китайской внешнеполитической концепцией, нацеленной на активное изменение системы международных отношений при участии страны. Этим она отличается от более ранних теоретических изысканий, нацеленных на максимально эффективную адаптацию Китая к существующим условиям.

Концепцию «китайской мечты» дополняет ряд сопряженных теоретических конструктов. Одними из наиболее ярких и продвигаемых идеологических продуктов стали концепции «Сообщества единой судьбы» и связанную с ней – «Один пояс и один путь», а также создание собственных институтов развития – Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития. Кроме того, Китай тратит значительные ресурсы на «экономическом направлении» «мягкой силы».

Относительно непосредственного участия КНР в развитии макрорегиональной архитектуры безопасности можно отметить, что после окончания холодной войны комплексное влияние Китая в АТР существенно возросло. Это тесно связано с активным вовлечением Китая в многосторонние институты, созданные под эгидой АСЕАН. Отчасти, это было вызвано тем, что «метод АСЕАН», позволял выводить «за скобки» взаимодействия наиболее неудобные и сложные вопросы, концентрируясь

на общих интересах. Власти КНР сами пришли к пониманию необходимости снижения опасений в регионе относительно неопределенности китайской политики. Китаю удалось с успехом воспользоваться институциональными возможностями, предоставленными АСЕАН. КНР существенно повысила уровень присутствия в делах макрорегиона и накопила положительный опыт выстраивания диалоговых процессов со странами АТР. В ходе Азиатского кризиса 1997-98 гг. Китай оказал помощь многим государствам АТР, продемонстрировав «обновленное лицо» своей внешней политики. Кроме того, развитие отношений с Россией позволило КНР самой выступить в роли инициатора создания институтов взаимодействия по вопросам безопасности – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Тем не менее, с наступлением Глобального кризиса 2008 г. КНР скорректировала свои подходы к отношениям в макрорегионе и взяла курс на активную реализацию национальных интересов, часть которых создавала существенные проблемные поля в отношениях со странами региона. Отчасти указанный рост активности был связан с осознанием Китаем той роли, которую он играет в росте благосостояния и развития государств АТР, а также высокой оценкой собственного потенциала «мягкой силы». Кроме того, в КНР решили использовать временное ослабление возможностей государств АТР и США в противодействии своей новой политике. Активность Китая проявилась и в большей частоте использования экономических средств для корректировки международного курса целевых государств. Это способствовало некоторому ухудшению его позиций в АТР из-за ослабления «мягкой силы» и актуализации негативных «эффектов колеи», также испытывающих определенное усиление из-за модернизации армии Китая.

В целом политика Китая в отношении развития архитектуры безопасности в АТР после окончания холодной войны позволяет говорить о его заинтересованности в «мягких» формах институционализации и

неготовности брать на себя обязательства, которые могут наложить существенные ограничения на его внешнюю политику. На настоящий момент Китай является одним из ключевых партнеров стран АТР в сфере экономического сотрудничества и решения проблем нетрадиционной безопасности.

На протяжении большей части периода после окончания холодной войны в рамках региональной архитектуры безопасности КНР тяготела к развитию диалогового процесса на многосторонней основе. При этом в фокусе взаимодействия преимущественно оказывались проблемы нетрадиционной безопасности. Но в отношении проблем традиционной безопасности (в первую очередь, спорных территорий) Китай придерживается подхода к решению спорных вопросов на двусторонней основе. Некоторым исключением из указанного правила является взаимодействие по проблеме ракетно-ядерной программы КНДР, для сотрудничества по которой используются многосторонние механизмы, как глобального (Совбез ООН), так и регионального (Региональный форум АСЕАН по вопросам безопасности) уровней.

В последние пять-семь лет Китай стал все активнее использовать двусторонние связи с государствами АТР, в том числе и с союзниками США, которых он старается подключить к институтам, создаваемым по своей инициативе и под своим непосредственным руководством. КНР предлагает значительные ресурсы и «правила игры», приемлемые с точки зрения государств макрорегиона и позволяющие им улучшить ситуацию в собственной нетрадиционной безопасности за счет развития комплексных связей с Китаем в сфере торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, а также благодаря секторальному взаимодействию по отдельным направлениям политики безопасности.

Третья глава исследования посвящена политике США в макрорегиональной подсистеме АТР, целям, механизмам и инструментам реализации внешней политики этой страны в макрорегионе.

В первом разделе третьей главы работы анализируются стратегические основы политики США в АТР.

Автор отмечает, что традиционно во внешнеполитической стратегии США выделяется два основных подхода: «изоляционизм» и «интернационализм» («экспансионизм»). Указанные подходы дополняются такими ценностными концептами как мессианство, избранность, лидерство/гегемонизм, распространение свобод и защита прав человека и иными, носящими атрибутивный характер и связанными с особенностями становления США как великой державы.

АТР стал объектом активного интереса США с середины XIX в. Стремление США к приобретению новых емких рынков и укреплению своего влияния в первой половине XX в. привело к вовлечению страны в региональную политику и военному столкновению с другими великими державами в ходе Первой и Второй мировых войн. Окончание Второй мировой войны способствовало радикальному увеличению влияния США в макрорегионе. Тем не менее, в американских элитах существовали серьезные опасения относительно «вытеснения» США из Азии Советским Союзом и распространения «красной заразы». Результатом стал целый комплекс стратегических доктрин, формализовавших подходы США к политике в АТР. Фактор СССР и противостояние распространению коммунистической идеологии стали определяющими в формировании и реализации американской стратегии в макрорегионе на протяжении всей холодной войны. Именно стремление ограничить влияние СССР заставило США пойти на улучшение отношений с КНР на основе модификации внешнеполитической идеологии с «антикоммунизма» в пользу «антисоветизма».

Распад СССР и окончание холодной войны способствовали снижению вовлечения США в отношения в АТР. Наступившее «головокружение от успехов» привело к распространению односторонних наступательных подходов во внешней политике страны. Одновременно в

американской повестке дня вновь повысилась значимость распространения демократических ценностей и свобод в АТР. Кроме того, несмотря на поощрение со стороны Соединенных Штатов попыток стран АТР вовлечь Китай в систему многосторонних институтов сами США относились к ним достаточно пренебрежительно.

Начатая Дж. Бушем-младшим в 2001 г. глобальная война с терроризмом также продемонстрировала приверженность США односторонним действиям и решениям. Основной упор во внешней политике США в течение 2000-х гг. был сделан на «жесткой силе», что существенно девальвировало капитал «мягкого влияния» США в АТР, основательно подорванного во второй половине 1990-х гг. Азиатским кризисом. Вступление на пост президента США Б. Обамы и реализация его азиатских инициатив привели к росту приоритетности АТР в американской повестке дня. Тогда же США была предпринята попытка интегрировать свои ресурсы «жесткой» и «мягкой» сил в рамках единой комплексной стратегии, получившей впоследствии название «Возвращение (Перебалансировка) в АТР».

Во втором разделе третьей главы рассматриваются ключевые стратегические интересы американской внешней политики в АТР.

Обеспечение устойчивого долгосрочного американского лидерства в АТР является макроцелью внешней политики США. В свою очередь, основная макрозадача США в АТР – это ограничение влияния КНР в наращивании совокупной государственной мощи в среднесрочной и долгосрочной перспективах. В своей политике США делают акцент на «управлении неопределенностью», позволяющем отвлекать ресурсы КНР, которые могли бы быть использованы для его возвышения. Но одновременно ставится цель сохранения приемлемого уровня стабильности и безопасности в макрорегионе, от которого зависит благосостояние Америки.

Если рассмотреть ключевые национальные интересы США и выстроенные на их основе цели и задачи внешней политики в рамках классификации проблем безопасности, применяемой в диссертационном исследовании, то можно выделить следующие группы проблем безопасности в АТР.

Традиционная безопасность:

Усиление и модернизация военного потенциала Китая на фоне роста его активности на региональной арене, территориальные споры между странами региона, свобода судоходства, ограничение возможностей США по проецированию собственного силового потенциала, включая полномасштабный доступ в регион, проблема ядерной программы КНДР и распространение ОМУ, проблема Тайваня, обеспечение безопасности территорий тихоокеанских штатов США.

Нетрадиционная безопасность с вооруженной компонентой:

Терроризм, экстремизм, пиратство, транснациональная преступность.

Нетрадиционная безопасность без вооруженной компоненты:

Распространение демократических свобод и ценностей, укрепление системы американских союзов и партнерств, укрепление экономического присутствия в АТР, повышение эффективности участия США в системе многосторонних институтов безопасности и установление проамериканского порядка, техногенные проблемы безопасности, массовые заболевания и стихийные бедствия, ухудшение социально-экономической ситуации в АТР.

Третий раздел третьей главы посвящен основным механизмам и формам внешней политики США.

После окончания Второй мировой войны системной основой американского присутствия в АТР стала так называемая «Сан-францисская система отношений», сформированная США после окончания Второй мировой войны. В её основе лежал Сан-Францисский мирный договор с

Японией 1951 г., фиксирующий ключевые принципы американской внешней политики в АТР и статус отношений США с новыми союзниками. На территории многих из них были размещены значительные контингенты вооруженных сил США, а внешняя политика подпала под серьезное влияние Соединенных Штатов. Безуспешные попытки США создать в макрорегионе организацию коллективной безопасности наподобие НАТО привели к разочарованию американских властей в многосторонних институтах безопасности и дистанцированию от них вплоть до недавнего времени. При этом Соединенные Штаты, по сути, сами прокладывали путь институционализации безопасности в АТР.

Окончание холодной войны поставило США перед необходимостью сокращения военного присутствия в АТР. В списке американских стратегических приоритетов в макрорегионе большую значимость приобрел РКБ в СВА. Стремясь снизить неопределенность относительно проецирования своих силовых возможностей в макрорегионе, США заключили ряд договоров со странами АТР об использовании их инфраструктуры американскими вооруженными силами. Одновременно для стабилизации обстановки США прибегли к расширению сотрудничества с Китаем. К КНР было решено применить «двухуровневый» подход, сочетавший политику «сдерживания» и «вовлечения». В целом в политике в АТР США сконцентрировались на двусторонних отношениях.

Расширение присутствия КНР в макрорегиональных процессах после Азиатского финансового кризиса не могло не пройти незамеченным для США. В начале 2000-х гг. они попытались вдохнуть новую жизнь в двусторонние альянсы, по-прежнему периодически демонстрируя скептическое отношение к эффективности многосторонних механизмов. Были заключены или обновлены многие из договоров между США и странами макрорегиона. Основная масса мероприятий была связана с сотрудничеством в сфере традиционной безопасности. Так, США на

регулярной основе обратились к практике проведения совместных учений со странами АТР. Следуя примеру КНР, США повысили уровень отношений с АСЕАН. Однако политике Соединенных Штатов в этот период не хватало последовательности. Так, за время обоих президентских сроков Дж. Буша-мл. США не присоединились к «Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА», что не могло не вызвать непонимания в регионе.

В дополнение к развитию отношений с традиционными партнерами США сделали упор на расширении связей с государствами, с которыми у них ранее имелись серьезные проблемы – Вьетнамом и Мьянмой. Особенно активно данная тенденция стала развиваться со вступлением на пост президента США Б. Обамы, сделавшего «возвращение в АТР» магистральным направлением внешней политики. Тогда же американцами было подготовлено предложение по выстраиванию новой системы отношений с Китаем – в формате «Большой двойки», потерпевшее неудачу из-за неготовности Пекина занять место младшего партнера в предлагаемом альянсе. В результате, в последних стратегических документах США Китай официально подается как один из ключевых вызовов безопасности в АТР, ответ на который должен быть найден совместными усилиями США и их партнеров.

С началом президентства Б. Обамы США внезапно обнаружилось, что за период 1990-х и 2000-х гг. Китай занял место ключевого торгового партнера большинства стран АТР. Для восстановления утраченных позиций Соединенными Штатами было принято решение о продвижении Транстихоокеанского партнерства (ТТП)¹⁶. Также США активизировали работу по укреплению «мягкой силы». И что более важно, Соединенные Штаты пересмотрели свое отношение к многосторонним институтам, сделав их публичной базой «возвращения» в АТР в целях формирования поддержки своей политики со стороны стран макрорегиона на основе

---

¹⁶ С победой на выборах президента США Д. Трампа американские власти приняли решение отказаться от него в том виде, в котором оно было согласовано администрацией Б. Обамы.

американского лидерства (а не гегемонизма). Это переосмысление в числе прочего привело к подписанию Соединенными Штатами «Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии», состоявшееся в июле 2009 г

США в рамках системы своих двусторонних альянсов по-прежнему продолжают играть ключевую роль в обеспечении традиционной безопасности многих стран АТР. Однако до 2008 г. участие США во взаимодействии по проблемам нетрадиционной безопасности существенно уступало Китаю. Шаги президента Б. Обамы, несмотря на определенные достижения, не смогли существенно изменить ситуацию в АТР в пользу США и способствовать восстановлению средств воспроизводства американского лидерства, существовавших в годы холодной войны.

С этой целью Соединенные Штаты выступают с предложениями как на действующих многосторонних площадках, так и инициируют создание новых механизмов, включающих развитие горизонтальных связей между партнерами США. Однако действие серьезных «эффектов колеи» и отсутствие общего понимания проблематики безопасности как, например, между Республикой Кореей и Японией, препятствует развитию сотрудничества между партнерами США. По этой причине политика США продолжает оставаться ключевым фактором, играющим роль «скрепы» в системе американских альянсов.

Конечным результатом американской политики могла бы стать трансформация институтов безопасности в направлении сетевой институциональной структуры, в которой США, в качестве признанного лидера, будут способны воздействовать на отношения между акторами на всех участках сети, вне зависимости от типа проблем, с которыми сталкиваются участники архитектуры. Однако подобное реформирование архитектуры безопасности может натолкнуться на существенное противодействие со стороны Китая, опасющегося ослабления собственных позиций в АТР. С этой целью КНР может прибегнуть к

жестким действиям, включающим применение силы в отношении стран макрорегиона, что приведет к ослаблению комплексного влияния КНР в АТР и росту напряженности. Тем не менее, постоянно растущая торгово-экономическая взаимозависимость КНР и стран АТР дает Китаю возможность достигать необходимые результаты без чрезмерного обращения к инструментам «жесткой силы».

В заключении работы подводятся основные результаты исследования и делаются выводы. В частности, автором отмечаются следующие характеристики китайского и американского подходов к формированию архитектуры безопасности в АТР:

1) Обе страны в числе приоритетов своей внешней политики уделяют значительное внимание проблемам нетрадиционной безопасности как вооруженного, так и невооруженного характера, и развитию сотрудничества по указанным направлениям со странами АТР. Для Китая это связано с географической близостью к потенциальным очагам угроз и вызовов безопасности (высокий риск «переливания»). Для США – нахождением контингентов американских ВС в регионе и потенциальными проблемами для их союзников в АТР;

2) Обе страны стремятся к укреплению инструментария своей внешней политики, который мог бы быть использован для увеличения влияния на ситуацию в макрорегионе. Указанный инструментарий включает в себя как укрепление военного потенциала («жесткая сила»), так и развитие экономической взаимозависимости и продвижение собственных идеологических концепций и подходов, влияющих на процессы принятия решений странами АТР («мягкая сила»). При этом обе страны склонны к инструментальному использованию продвигаемых ценностей и идей для реализации внешнеполитических задач.

3) Обе страны заинтересованы в сохранении «свободы рук» в отношении собственной политики и создании определенных ограничений для других вовлеченных акторов и, особенно, их ключевых соперников.

При этом Китай и США воспринимают друг друга в качестве ключевых соперников в АТР;

4) Обе страны чувствительно относятся к лидерству в макрорегионе. С одной стороны, в отношении динамики многосторонних институтов КНР и США признают «центральность» АСЕАН, а с другой – стремятся сохранить и укрепить свои лидирующие позиции в практическом измерении внешней политики и в рамках двусторонних альянсов и союзов;

5) В отношении проблем традиционной безопасности Китай приемлет двустороннее взаимодействие с непосредственно вовлеченными странами. США регулярно стремятся включить вопросы традиционной безопасности во взаимодействие на многосторонних площадках. Исключение составляет проблема ракетно-ядерной программы КНДР, в отношении которой стороны выступают за поиск комплексного многостороннего решения указанной проблемы. При этом в последнее время проблема КНДР стала получать все более активное отражение во взаимодействии на многосторонних площадках, действующих под эгидой АСЕАН.

6) Обе страны понимают, что развитие сотрудничества по направлениям нетрадиционной безопасности содержит в себе существенный потенциал «мягкой силы», в случае приложения соответствующих усилий для повышения безопасности целевых объектов (государства АСЕАН). При этом обе страны активно участвуют в многостороннем взаимодействии по проблемам нетрадиционной безопасности;

7) Обе страны в своей внешней политике склонны к максимальному использованию потенциала двусторонних и многосторонних институтов взаимодействия по вопросам безопасности. При этом Китаем накоплен большой опыт эффективного использования потенциала многосторонних площадок, а США имеют длительную историю развития двусторонних контактов. Вместе с тем в течение времени прошедшего с момента

окончания холодной войны подходы стран несколько изменились. США, изначально ориентировавшиеся на двустороннее сотрудничество, стали уделять большее внимание многосторонним форматам взаимодействия по проблемам безопасности, а также двусторонним и многосторонним форматам с участием американских союзников. А Китай, эффективно использовавший потенциал многосторонних институтов, все более активно использует двусторонние форматы сотрудничества. Обе страны нуждаются в многосторонней поддержке своей политики странами АТР в макрорегионе и на глобальном уровне. При этом в последнее время обе страны стремятся развивать сотрудничество с союзниками друг друга.

8) Взаимодействие США и КНР между собой, а также с другими международными акторами, в первую очередь, АСЕАН, и вовлечение в динамику регионов СВА и ЮВА приводят к интеграции этих двух регионов в макрорегиональный комплекс безопасности в АТР, динамика которого непосредственным образом зависит от характера отношений между США и Китаем и их готовности принимать конструктивное участие в институтах взаимодействия по проблемам безопасности в АТР. Вместе с тем существующий характер отношений между макрорегиональными акторами делает вероятным негативный сценарий развития макрорегиональных отношений и осложнения ситуации в сфере безопасности в АТР.

Положения, выносимые на защиту

1. В макрорегиональной динамике проблемы традиционной безопасности являются основным источником конфликтного потенциала в межгосударственных отношениях, а проблемы нетрадиционной безопасности способствуют налаживанию партнерских связей. Это, под воздействием политики КНР и США, приводит к интеграции региональных комплексов безопасности в СВА и ЮВА в единый МакроРКБ АТР.

2. На сегодняшний день Китай и США являются акторами, обладающими наибольшей совокупной государственной мощью. Они конкурируют за влияние на иных международных акторов в АТР, одновременно являясь крупнейшими торгово-экономическими партнерами. Эта двойственность оказывает воздействие на выбор политики странами, выражающийся в отказе от «лобовой» конфронтации и широком использовании «умной силы». Несмотря на активное обращение к идеологическим конструкциям и ценностям в риторике, США и КНР склонны к их использованию в качестве инструментов внешней политики, что демонстрирует их понимание международных отношений в АТР в рамках реалистической парадигмы.

3. КНР тяготеет к развитию взаимодействия по проблемам безопасности на многосторонней основе за исключением вопросов традиционной безопасности (в первую очередь, спорных территорий). В отношении них Китай придерживается подхода к разрешению спорных ситуаций в двустороннем формате с участием только заинтересованных сторон. В первые двадцать лет после холодной войны США при реализации собственной политики ориентировались на развитие двусторонних отношений в рамках своих союзнических и квазисоюзнических альянсов со странами АТР. В последние пять-семь лет оба актора существенно скорректировали свои позиции. Китай стал активнее использовать двусторонние связи с государствами АТР, в том числе с союзниками США, а Соединенные Штаты обратились к многосторонним форматам.

4. В отношении развития архитектуры безопасности в АТР Китай заинтересован, с одной стороны, в минимально возможных ограничениях своей внешней политики, с другой – в формировании максимально благоприятной обстановки для собственного развития и укрепления поддержки международных инициатив, нацеленных на усиление китайского влияния в глобальном масштабе. Кроме того, КНР имеет своей

целью предотвращение возникновения антикитайских альянсов в макрорегионе. Т.о., в интересах Китая – развитие «мягких» многосторонних институтов, взаимодействие в рамках которых не приведет к чрезмерным ограничениям во внешней политике страны.

5. В развитии архитектуры безопасности в АТР Соединенные Штаты заинтересованы в формировании ее сетевой структуры, включающей в себя действующие многосторонние институты и обновленную систему американских альянсов. С этой целью США стимулируют укрепление горизонтальных связей между своими союзниками. Однако на настоящий момент Соединенные Штаты испытывают сложности с продвижением указанного подхода. И решение указанной проблемы представляется маловероятным в краткосрочной перспективе, без эскалации напряженности в сфере традиционной безопасности в АТР.

6. Сохранение существующих тенденций в развитии архитектуры безопасности в АТР может грозить попаданием отношений в «спираль напряженности», т.е. ситуации, при которой жесткие действия одного из акторов будут приводить к аналогичному ответу со стороны других. В итоге, в отношениях в макрорегионе будет расти неопределенность, которая может привести к эскалации напряженности. Вероятность негативного сценария повышается в связи с обращением США к более активному сдерживанию Китая и ростом комплексного силового потенциала КНР, что также может найти отражение в эрозии многосторонних институтов безопасности.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Михневич С.В., Китайский фактор во внешней политике США в АТР [Текст] / С.В. Михневич // США и Канада: экономика, политика и культура. 2014. № 11. С. 33-51 – 1,4 п.л.

2. Михневич С.В., Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая [Текст] / С.В. Михневич // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 2. С. 95-129 – 3 п.л.
3. Михневич С.В., Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» Китая в Большой Восточной Азии [Текст] / С.В. Михневич // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 1. С. 80-117 – 3,1 п.л.
4. Михневич С.В., Инновационные аспекты энергетической политики КНР: внутреннее и внешнее измерения [Текст] / С.В. Михневич // ЭКО. 2015. № 2 (488). С. 87-110 – 1,5 п.л.
5. Михневич С.В., Фактор «умной силы» в процессах институционализации международных отношений [Текст] / С.В. Михневич // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 4. С. 93-114 – 1,9 п.л.
6. Михневич С.В., «Эффект колеи» и проблема трансформации внешнеполитической ориентации России [Текст] / С.В. Михневич // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 1. С. 58-84 – 1 п.л.
7. Михневич С.В., Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Текст] / С.В. Михневич // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 1. С. 92-125 – 2,6 п.л.

Работы, опубликованные автором в других изданиях:

8. Михневич С.В. Влияние проблем международной безопасности на проведение КНР своей внешней экономической политики на примере взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии [Текст] / С.В. Михневич // Материалы 2-й международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» /

отв. Ред. Д. Буяров. Благовещенск. 2012. С. 207-213; ISBN 978-5-8331-0237-4 – 0,7 п.л.

9. Михневич С.В. Трансформация внешнеполитической идеологии КНР в 1949 – 2012 гг. и ключевые парадигмы современной китайской внешней политики [Текст] / С.В. Михневич // Материалы 3-й международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» / отв. Ред. Д. Буяров. Благовещенск. 2013. С. 200-206; ISBN 978-5-8331-0279-4 – 0,8 п.л.

10. Михневич С.В. Фактор «мягкой силы» во внешней политике Китая в сфере безопасности в Юго-Восточной Азии [Текст] / С.В. Михневич // Материалы 4-й международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» / отв. Ред. Д. Буяров и Д.В. Кузнецов. Благовещенск. 2014. С. 513-519; ISBN 978-5-8331-0331-9 – 0,9 п.л.

11. Михневич С.В. Проблема спорных территорий в Южно-Китайском море как пример использования «умной силы» КНР [Текст] / С.В. Михневич // Материалы 5-й международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» / отв. Ред. Д. Буяров, Д.В. Кузнецов, Н.В. Киреева. Благовещенск. 2015. С. 519-526; ISBN 978-5-8331-0349-4 – 0,7 п.л.

Разделы в монографиях:

12. Эволюция архитектуры безопасности в Юго-Восточной Азии: роль КНР и США [Текст] / С.В. Михневич // Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сб. научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. Зап. Европы и Америки; Отв. ред. Братерский М.В., Ред.-сост. Роуз К.Б., Щербинина Ю.В. – М., 2014. Вып. 1. С. 70-102 – 1,8 п.л.